

«Уникальный творческий коллектив» ТВС располагается по каналам. Шахова — на Первый, Листова и Кондулуков — на «Россию», Осокин, Соловьев и корреспонденты информационной службы — на НТВ, Максимовская — на REN TV... Историк Кара-Мурза удивил всех. Он устроился работать в пристанище романтиков и философов — котельную неподалеку от своего дома, в Центральном административном округе. Но телевизионные привычки оказались сильнее — Кара-Мурза возвращается «в ящик». Правда, увидеть его можно будет только за границей.

О ТВС, о власти и о будущем — Владимир Кара-Мурза «Новой газете»

— Как обстоят дела с трудоустройством?

— Сейчас я формально работаю в котельной. Но реально я проработал этот месяц на «Эхе Москвы», делал каждый день авторскую «Реплику» вместо Черкизова — он ушел в отпуск. Эта же реплика записывается и для нью-йоркского телеканала Гусинского RTV International (RTVI). Тряхнул стариной и поработал в своем прежнем качестве. Тем более что RTVI находится в бывшем здании «Медиа-Моста» на Палашевке. Сейчас там маленький телецентр, они делают два выпуска новостей, в вечернем выпуске была моя «Реплика».

С 18 августа меня уговорили вести вечерний выпуск новостей «Сейчас в России» телекомпании «ЭхоТВ», которое вещает на RTVI. Я буду третьим ведущим вместе с Андреем Норкиным и Вячеславом Крискевичем. А ближе к выборам «ЭхоТВ» хотят сделать итоговую воскресную аналитическую передачу. Может, будет называться «Грани», если это название еще никто не зарегистрировал. Поскольку у меня будет вечерний выпуск, то я думаю сделать его похожим на «Грани» на ТВС — аналитики в рубрике «Тема дня», обзор газет. Естественно, за это я ни копейки не получаю. Просто нельзя терять форму. Недавно в интервью я пошутил, что вдруг произойдет мировая революция — и нам снова достанутся Первый и Второй каналы, кто же там будет работать? А тут мы как раз вернемся и будем вести программу «Время».

— Мировая революция? Если серьезно, может быть, что скоро все изменится?

— Конечно. Все мыслящие люди понимают, что нынешний смехотворный режим никакой жизнеспособностью не обладает. Все это ненадолго: какие-то федеральные округа, представители президента, которых нет в Конституции. Теракт в Моздоке — еще одно подтверждение

тому, что не все в порядке. Просто надо дожить до того, когда режим рухнет так же, как это было в Советском Союзе. Тогда у меня была аудитория не пять миллионов, которые меня смотрели на НТВ, а пять человек, с которыми я всю жизнь провел. Я тогда им говорил, что страна такая не может долго существовать. Надо мной все смеялись, называли историческим оптимистом. Этот режим тоже рухнет, главное — дожить до этого момента. Если не я, то мой сын, внуки увидят...

— Какое из независимых СМИ на очереди после ТВС? «Эхо Москвы»?

— Если все понимают, почему же общество молчит?

— Оно и тогда молчало. Я дружу с Владимиром Буковским, он сейчас живет в Кембридже, старший товарищ моего сына. Они в 68-м вышли на Красную площадь против ввода войск в Чехословакию. Но все молчали, ходили на заседания

— Дыбаль, глава «Газпром-Медиа», — у них 75 процентов акций «Эха» — уже звонил Венедиктову, сказал, что работать им до сентября. Два раза приходили следователи из ФСБ, переписывали мою «Реплику». Они просто сейчас не добивают «Эхо» — это было бы совсем откровенно. И ловить радио «Свобода» за пределами Москвы уже сложнее — помех все больше...

— Давайте о бывшей команде ТВС. Осокин вернулся на НТВ...

— Честно говоря, мне это не нравится. Я Мишу очень любил, это мой любимый ведущий. Но он нас всех отчасти подставил, потому что в глазах зрителей наш уход с НТВ получился неприципиальным. Выходит, что можно туда безболезненно вернуться. И я

Владимир КАРА-МУРЗА:

ВЕЛИКАЯ СТРАНА НЕ МОЖЕТ ТЕРПЕТЬ

СЕРОСТЬ ВЛАСТИ

Давнее пристанище романтиков — котельная

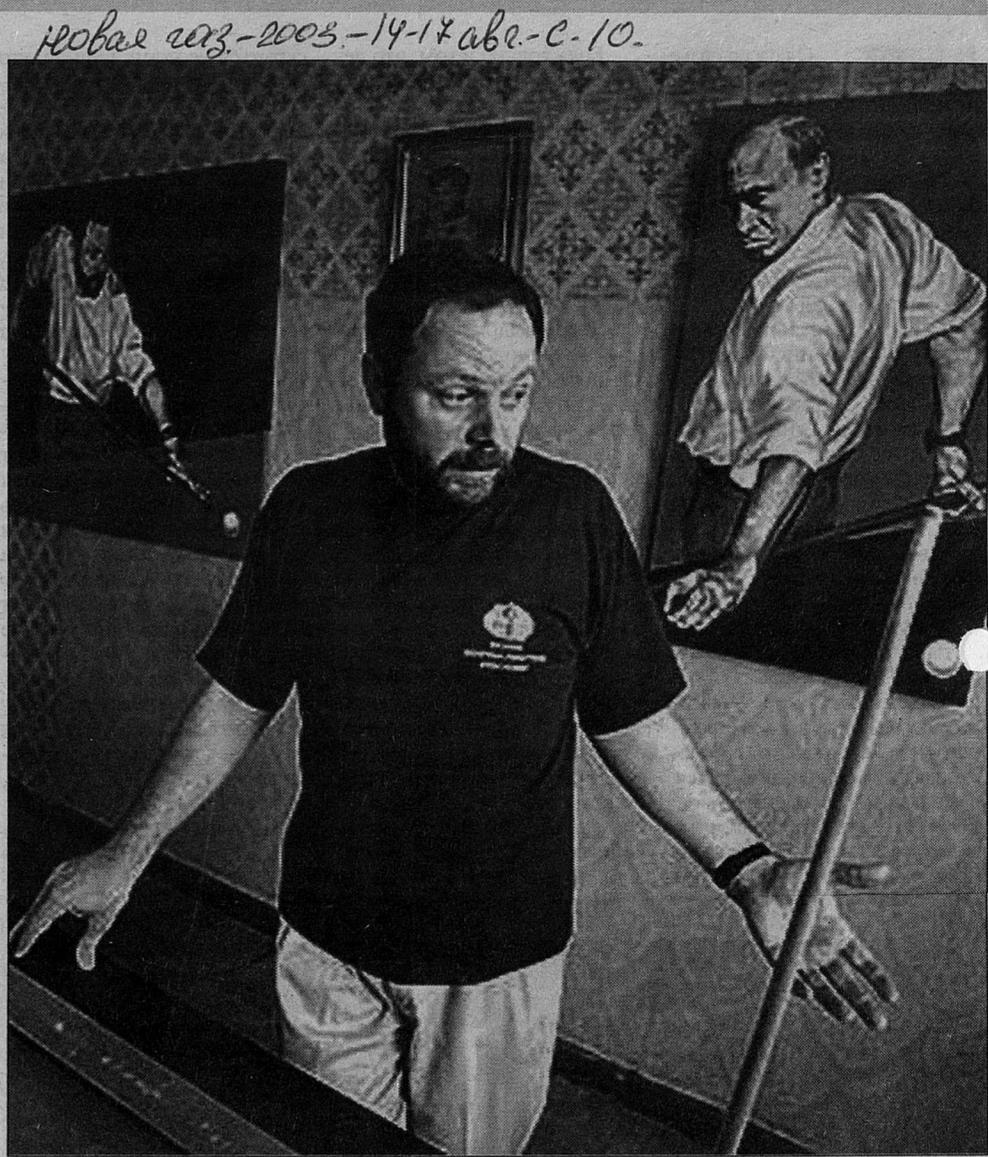
парткома, голосовали за Брежнев. А Буковский отсидел в психушке, там его обкалывали парамидолом, так что он не мог говорить полгода. Потом его обменяли на Луиса Корвалана. Была тогда частушка: «Обменяли хулигана на Луиса Корвалана». Сейчас Буковскому не дают возможности вернуться в Россию. Считают, что такие люди здесь опасны. Так что молчало общество всегда.

— Какое из независимых СМИ на очереди после ТВС? «Эхо Москвы»?

считаю, что не надо было этого делать. Хотя Миша из ложно понятой порядочности просто хотел сохранить свой коллектив. Но порядочнее было бы туда не возвращаться ни под каким видом. Остальные в более приличные места ушли.

— Разве? Марианна Максимовская ушла на REN TV, Зимин, Токменев — тоже на НТВ, Листова с Кондулуковым — на «Россию».

— Что делать, они себя считают тележурналистами. Я себя тележурналистом не считаю. Я

вся жизнь был репетитором по истории и недолго дворником. Начал работать на ТВ совершенно случайно. Попал в кадр тоже после долгих уговоров. На телевидении ведь везде интриги, я просто в них не участвую. На меня где сидешь, там и слезешь. Никогда ни в каких собраниях, ни в написании коллективных писем не участвовал. «Останкино» — это серпентарий. А для меня главное — моя семья, мои друзья. У меня нервная система сформировалась до того, как я попал в «Останкино». А они попали туда в неокрепшем возрасте. И я за них отнюдь не спокоен. Потому что я видел, в кого превратились те журналисты, которые со мной работали на НТВ, а потом ушли за Добродеевым на ВГТРК: Лена Масюк, Аркаша Мамонтов, Женя Ревенко, Славик Грунский, Саня Хабаров. Эти люди деградировали в профессиональном отношении. Лена Масюк из ложно понятой профессиональной чести сама же ее и заложила. А ведь она была лучшим репортером на НТВ. Фактически она сорвала первую войну в Чечне, правда, ценой своего здоровья. А теперь она на канале, который эту войну воспекает. Обидно за них. Поэтому я не уверен, что, на-

пример, у Лизы Листовой это профессиональный взлет. Какая разница вроде бы: работала она ведущей на ТВС, а сейчас — на «России»? А это две принципиально разные профессии. У нас была борьба за свободу слова, а там узаконенная, государственная проституция.

— Приближение к власти всегда ведет к творческой деградации?

— Конечно, это продажность. Тебя держат на крючке. Покупают дачу, возят на казенной машине и т.д. И тогда все — как журналист ты пропал. Мы держались за счет того, что мы были частным телевидением, не связанным с государством. Ошибку мои коллеги сделали в 96-м году, когда дали власти подумать, что нами можно манипулировать. Когда сам Малашенко вошел в предвыборный штаб Ельцина и превратил НТВ в один из агитационных каналов. С какой стати — и так бы за него проголосовали. Я всегда давал слово в своих ночных новостях и Зюганову, и другим коммунистам, потому что это 25 процентов электората. Я это понял в 96-м году и не участвовал в этом.

— Что теперь делать-то? Просто пассивно ждать?

— По мере сил. В России надо жить долго и уметь терпеть. У меня вся семья привыкла, что я — телеведущий. Мне перед ними неудобно ничего не делать. Для самого себя я все давно уже понял — и уже не рыпаюсь. Десять лет в команде с Киселевым я не считая работой — это была наша семья. Если у человека всю семью сожгли фашисты, он же с утра новую семью не заводит?! Это был коллектив единомышленников: Лиза Листова, Леша Кондулуков, Женя Киселев... А куда я теперь денусь, когда нет Осокина? Они же за меня всю работу делали! Я лишь заказывал им сюжеты, снимал свою «Тему дня» и обзор газет. И получался выпуск, который все смотрели. Это было ассорти всей гигантской службы новостей НТВ. Сейчас этой семьи нет. Закрыли канал, и даже конкурс никто не объявлял — бросили нам вызов. И я дозволенными мне средствами буду защищаться. Великая страна, где жили Пушкин и Высоцкий, не может долго терпеть такую серость власти.